

УДК 316.34

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ЧУЖОГО В СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ

Коротченко Ю. М.

Аннотация: *Выявляются рефлексивные основания конструирования образа Чужого в социальном знании. Чужой трактуется как социальный Другой, восходящий к концепту Другого как субъекта сознания в феноменологии Э. Гуссерля, воспринятой феноменологической социологией в лице Г. Зиммеля, А. Шютца, П. Бергера, Т. Лукмана, феноменологией Чужого Б. Вальденфельса. Неоднородность Чужого распределена по шкале: Незнакомец, которого я не хочу знать, потому что Я хочу жить в только Мной сконструированной смысловой реальности – Чужой, который хочет быть для Меня Своим, но никогда им не станет, т.к. у нас с ним нет общей истории – Враг, социальная реальность которого в каждом ее фрагменте антиномична Моей и которую при этом он Мне ее навязывает как, по его убеждению, лучшую и в целом, единственную, а Моей социальной реальности не должно быть. Трактовка Своих и Чужих как субъектов интерпретации, а следовательно – сознания, позволяет говорить о социальной проблематике в философии сознания. Антиномичность коммуникации со схемой Свой – Чужой-как-Враг эксплицируется методом валютивного анализа. Отмечается кризисогенность такой коммуникативной схемы, ее губительность для отдельных обществ, государств, человечества. В качестве идеи, которая позволяет сохранять самобытность субъектов социального и культурного самосознания, выделяется идея всечеловеческого, укорененная в истории отечественной социальной, культурологической и философской мысли, развитая А.В. Смирновым.*

Ключевые слова: *Свой, Чужой, Чужой-как-Враг, валютивная антиномичность, всечеловеческое*

Есть философские концепты, актуальность обращения к которым возобновляется. Изменяются верхние слои их содержания, исследовательское внимание заостряется на злободневных в конкретное время сторонах содержательного философского стержня, позволяя обнаруживать новые смысловые оттенки и характеристики. Со всей очевидностью, к таким продуктам философской мысли относится концепт Чужого. Дискурс Другого был легимитирован в философии Гуссерлем, затем, на основании феноменологически понятой интерсубъективности, Другой становится важнейшим концептом в социальном знании. Близкими по историческому периоду (становление фундаментальной социологии) являются исследования социального Другого. Георг Зиммель пишет свои работы «Экскурс о чужаке» и «Человек как враг», Альфред Шютц, на основании понимания Другого Я и постановки проблемы интерсубъективности Гуссерлем, леги-

тимирует Чужого в том, что сам Шютц назвал социальной психологией, социальное действие определяется Максом Вебером в его понимающей социологии как действие с учетом других. Значительно позже, в 1997 году, на семинаре «От Я к Другому: проблемы социальной онтологии в постклассической философии», проходившем в Минске, феноменолог Бернхард Вальденфельс делает доклад под названием «Ответ Чужому: основные черты респонзивной феноменологии».

По мере интенсификации социальной проблематики, бурного расцвета междисциплинарных областей знания – теории коммуникации, дискурс-анализа, имагологии, политической психологии, социо- и психолингвистики, когнитивной лингвистики, компаративистских направлений в литературоведении и культурологии, – Другой приобретает модусы: Другой/Иной/Чужой/. Другой, «социализируясь», из онтологической или когнитивно-логической (в духе Гуссерля) абстракции трансформируется в абстракцию социальную. При этом внутренняя дифференциация Другого остается нечеткой.

Нам хотелось бы аналитически эксплицитно дифференцировать смысловое поле Чужого, сохранив при этом философско-рефлексивные константы трактовки Другого как субъекта сознания. Прежде всего, среди таких констант обнаруживает себя погруженность проблематики Другого в проблематику интерпретации, смысла, интерсубъективного коммуникативного взаимодействия в тематической панораме субъекта. Другой/Чужой полагается сознающим себя Ego как некая интенциональная направленность, создающая новый смысловой универсум, вырывающийся за пределы этого Ego, но в виде отражения в нем. Другой понимается как результат осмысления неким «Мной» как «Меня», но при этом Другой как Чужой «исключает конституированное из конкретного состава моей смыслоконституирующей конкретной самости» [1, с. 388]. Чужое рождает специфическая собственная сфера некоего Моего. Моего сознания, всегда своего для меня, свойственного Мне. Я или Свое тогда осмысливается как не-Чужое, не чуждое, как хорошо известное. А Чужое – как исключенное из Своего, и так оно видится в зеркале именно Своего, а иначе его нет. Чужое – абсолютно Другое Меня или Своего. Это аналог Своего еще и в том отношении, что оно принадлежит миру смысла и сознания, как и Свое. Но это неизвестные друг другу смысловые пространства. Другой как Чужой делает то же, что и Свой, но в результате рождается не Моя реальность. Итак, Чужой – субъект сознания, интерпретативно конституируемый неким отличным от него субъектом сознания, и тогда социум неизбежно неоднороден. Открыто социальной категорией Другого сделал Зиммель в «Экскурсе о Чужаке», где Чужой существует вне группы. Социальный Чужой также говорит о себе как субъект, извне, но все же приближающийся к группе, культурный образец которой не укоренен в его биографии. Он для группы – субъект без истории. У него, в случае рецепции им культурного образца группы, может быть общее с этой группой настоящее и даже будущее, но прошлое общим не станет никогда: «Могилы и воспоминания невозможно ни перенести, ни преодолеть. Следовательно, чужой сближается с другой группой как новичок в подлинном смысле этого слова» [2, с. 197]. Это Чужой, первоначально лишенный знания того, в каком культурном образце интерпретирует мир группа, с которой он хочет сблизиться, но с которой у

него нет общей истории. Или нет какого-то общего отрезка истории. Чужой по времени жизненного мира. Примером может служить поколенческий Чужой при условии кардинальных изменений в обществе, произошедших во время жизни значительно отстоящих друг от друга поколений, изменений, порвавших связь времен. В этом случае чуждость сосуществующих в одном социуме социальных субъектов становится конфликтогенным и деструктивным в смысле совместной созидательной деятельности фактором. В российском обществе, в публицистике, в художественном творчестве, в медиапространстве и на уровне государственных документов сегодня наблюдается тенденция к пониманию истории России как непрерывного процесса, обеспечивающего трансляцию важнейших для общества смыслов (см., например, [3]), что должно способствовать снижению градуса межпоколенческой интерпретационной конфронтации. При этом жизненные миры этих Чужих друг другу не обязательно антагонистичны. Они могут апеллировать к совершенно разным, непересекающимся и не имеющим никаких общих элементов жизненным мирам. И тогда потенциально Свои и Чужие могут конструировать полифонические миры, составляя друг для друга источник творческого смыслового обогащения и обновления (Чужой как мир, которого у Меня нет) эту сторону Чужого подчеркивает Б. Вандельфельс в [4], что близко к динамической теории культуры Ю.М. Лотмана [5].

Или быть Чужими друг другу на основании простого незнания жизненных миров друг друга. Тогда Чужой – Незнакомец (Stranger, Посторонний). Однако внимание к Чужому в таком смысле актуализируется в социуме со многими Чужими, пусть даже и такими, на первый взгляд, нейтральными друг другу. Незвестное таит в себе разные исходы по мере заполнения известным. Конструктивной формой коммуникации в этом случае будет интенция к пониманию того, что представляет собой Чужой, пониманию его жизненного мира. Тогда перспективы диалога приобретают определенность, по мере того как неосознаваемое или, особенно, намеренное нежелание узнать жизненный мир Чужого, подчеркнутое игнорирование Чужого, как если бы его не было, в ситуации, когда он все-таки есть, потенциально разрушает социум. Чужой как фигура умолчания может оказаться не менее опасной, чем явный антагонист. И, как показывает исторический опыт, продолжительность игнорирования Чужого в коммуникативном универсуме социума обратно пропорциональна показателям эффективности открытой коммуникации с ним. В Крыму показателен в этом отношении достаточно длительный на протяжении советской истории опыт умолчания темы депортации крымских татар в 1944 году. В результате этого опыта данная тематика стала, в том числе, разменной монетой для сил, несущих в себе коррозионный потенциал для крымского общества. Альтернативой здесь должно было бы стать непредвзятое научное (историческое и правоведческое) исследование, широко распространяемое среди крымчан, прежде всего, в виде образовательных программ на всех ступенях образования. Большие шаги уже сделаны, главным из которых стал Указ Президента РФ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития», принятый в 2014 году. Это было urgently необходимо. Однако историческое знание этого вопроса во всей полноте пока не получило обязательного

широкого распространения, а в массовом сознании крымского общества продолжают бытовать полярные точки зрения на этот счет.

Итак, Свой и Чужой в социальном знании – образы субъекта, имеющие социокультурную соотнесенность, возникающие и функционирующие как продукты интерпретационных практик, связанных, прежде всего, с осмыслением субъектом себя (Свой), исторического опыта, настоящего и перспектив социальной общности, которой принадлежит как биографически укорененный в ней. Образ Чужого конструируется всегда как чей-то Чужой, это понятие соотносительное. Чужой начинается с отличия от Своего. Когнитивно он такой же, как Свой. Он способен к интерпретации, осмыслению и переживанию в той же мере, что и Свой. Но смысловые миры, в которых реконструирует себя социальная реальность как результат интерпретации, – разнятся. Различия тут могут, в свою очередь, градуироваться по степени дистанцированности Чужого от Своего. Социальные реальности множатся, и это реальности, создаваемые сознаниями идентичностей разного типа, опознаваемыми индивидами и как Свои идентичности, и как идентичности иного типа, чем Свой. Идентичности «встроены» в символический универсум с его теоретическими легитимациями и видоизменяются вместе с характером последних» [6, с. 281]. Символический универсум репрезентирует и легитимизирует тип конструирования реальности общностью и обществом в целом и, следовательно, некую идентичность, некоего Своего, а значит, и Чужого. И этот Чужой может быть интрасубъектным, внутренним еретиком, как индивидом или девиантной группой, не желающим следовать легитимизированному порядку институализации и воспринимаемым общностью как глупый или слабый. Это гораздо менее опасный Чужой, чем Чужой, считающий «наши определения реальности невежественными, безумными или абсолютно греховными» [там же, с. 176]. И это Чужой как социальный Другой в социальном конструкционизме Петера Бергера и Томаса Лукмана, – противостоящий символическому универсуму некоего Своего. И здесь усиливается степень чужести до альтернативности. Чужой становится угрозой для некоторого Своего символического универсума. Он может быть побежден в случае, если у Своего достаточно власти и силы, вплоть до военной, хотя пока последняя не применена, всегда остается возможность убеждения без использования военных средств. Однако в любом случае речь идет о конфликте Свой – Чужой по поводу того, чей символический универсум «лучше», «справедливее», «удобнее», «законнее» и т.п. конфликт этот антагонистичен, т.е., не преодолим. Чужой присутствует как альтернатива Своему. Несмотря на всю «символичность» сталкивающихся универсумов (типов идентичностей, смысловых реальностей), конфликты между ними разыгрываются по самым непримиримым и жестоким сценариям. Олицетворяя угрозу реальности Своего, Чужой становится Врагом. Социальный конструкционизм среди когнитивных механизмов поддержания символических универсумов выделяет то, что близко к историческим типам мировоззрения – мифологию, религию (в терминологии Бергера и Лукмана – теологию), философию и науку. Свой и Чужой также соотнесены с какими-то моделями осмысления и конструирования социального мира. При этом кристаллизуется Чужой как Враг в значении «полная альтернатива Своего».

Нам представляется, что концепт Врага как модуса Чужого в вышеуказанном смысле требует особого внимания сегодня, когда в условиях усиливающей неоднородности современного мира, Иное настойчиво заявляет о себе все менее нейтрально, а именно – как враждебное. Уместным здесь будет аналитический метод, позволяющий конкретизировать этот модус Чужого эксплицитно и на основании наблюдения реализуемых в социуме коммуникативных практик, а также на основании обращения к практикам использования языка как инструмента построения символического универсума Своего и обнаружения символического универсума Врага.

Применим здесь метод валлоативного анализа. Данный метод эффективен в отношении социальных общностей, ранжирующих социальную реальность на области оценочных смыслов. В данном случае его применение уместно: Враг – оценка максимально Чужого. Валлоативный анализ не выходит за пределы рефлексивных оснований конструирования образа Чужого как такового и Чужого как Врага в социальном знании. Чужой в валлоативной оптике – всегда Чужой некоторому Своему, он возникает из когнитивного полагания иной реальности, создаваемой в опыте интерпретации социальной реальности социальной общностью, репрезентирует себя в символическом универсуме посредством языковых форм, и отношение Свой – Чужой-как-Враг реализуется в качестве непримиримого конфликта. Метод валлоативного анализа предполагает построение оценочной модели интерпретационной активности социальной общности в виде матрицы смыслов особого рода. Оценочно фильтруя социальную реальность, социальный субъект конструирует себя как носителя некоторого валлоатива – интерпретационного центра социальной общности, обеспечивающего ее целостность¹. Имена ячеек валлоативной матрицы были нами выявлены в публичных текстах «от лица» различных, в том числе альтернативных (враждебных) друг другу социальных акторов, высказывающихся на остро значимые и актуальные на момент высказывания темы. Такими текстами послужили опубликованные труды, в том числе, научные, политически ангажированных авторов, программы политических сил, выступления кандидатов во время предвыборных кампаний, выступления на митингах, в политических ток-шоу, посты в социальных сетях лидеров политических сил и их эпигонов. Высказывания, делающие текст валлоативным, обнаруживают общую структуру: $|v; f|$, где v – особый оператор, маркер оценочности, а f – имя оцениваемого фрагмента социальной реальности. Оценочные маркеры отличаются по типу объекта оценивания. Типологизированные оценочные маркеры составят список имен ячеек валлоативной матрицы. Валлоативный текст – это всегда текст о героях, о мучениках (невинных жертвах), врагах (объекты оценки – люди); о нормах, границах дозволенного, о запретах, о морали и праве, подвигах и преступлениях (объекты оценки – поведение и поступки людей); о ценностях (объекты оценки: отношения между людьми, качества людей, моральные, эстетические феномены и т.п.); о том, на каком языке обо всем вышеперечисленном надо говорить, в каких художественных образах оно может быть выражено, о том, совокупность каких

¹ Подробно о валлоативном моделировании интерпретационной активности коллективного сознания см. в: Коротченко Ю.М. Валлоативные модели социального: герои и ценности. М.: Вузковский учебник, ИНФРА-М, 2018.

идей обеспечит правильную и справедливо устроенную жизнь, о том, какая общественная и политическая сила возглавит борьбу за такую жизнь (объекты оценки – формы саморепрезентации социального субъекта). Валюативная матрица задается как совокупность идентификаторов социального субъекта списком смысловых единиц:

- персонификаторы валюатива: герои, мученики, враги;
- нормы;
- ценности;
- формы репрезентации: язык, художественное творчество, идеология.

Коллективный субъект конструирует социальную реальность как проинтерпретированную в терминах своего валюатива – семантического поля, «приправленного» эмоциональной окраской, вызывающей эффект понимания, невыразимого словами, но бесконечно милого сердцу каждого адепта валюатива (П. Бергер и Т. Лукман говорили о необходимости этой оценочной прибавки к семантическому полю). В каждом валюативе, таким образом, идентификаторы приобретают притяжательную характеристику – все они Свои (Свои герои, Свои мученики, враги – в отношении к Своим и т.д. по всей матрице). В коммуникации Свой – Чужой-как-Враг присутствуют два участника, каждый из которых самому себе Свой, а Чужому – Враг. Это строго антиномичная валюативно репрезентируемая коммуникативная структура.

Выявляемые в социальном знании рефлексивные основания конструирования образа Чужого в его различных модусах – от Незнакомца до Врага, обращают внимание и на практическую сторону вопросов о том, кто такой Чужой, как с ним жить в одном социуме, насколько он реален, может ли он быть намеренно создан в общественном сознании и для него. Представляется, что в наши дни особого внимания требуют к себе социокультурные и политические Чужие-как-Враги. Причем коммуникация Свои – Чужие-как-Враги с политическим акцентом способна, как мы имеем возможность наблюдать, поставить под сомнение перспективу самого существования человечества. Как правило, коммуникативные сюжеты по этой схеме зарождаются в социокультурных нишах общества как межэтнические, межконфессиональные, межкультурные столкновения, всегда, однако, сводимые к способам интерпретации мира как объекта сознания. По мере нарастания валюативного антагонизма между участниками эти столкновения получают политическую легитимацию, в результате чего они становятся объектами управления. И тогда Свои и Чужие будучи субъектами, сформировавшимися и укорененными в общественной истории, обрастают атрибутами, усиливающими их стороны как Своих и Чужих, особенно Чужих-как-Врагов. Современный конфликт управляется, его смысловой стороной управляют крупные политические акторы, рвущиеся к доминированию. При этом технологии наращивания коммуникативной напряженности в социуме, прежде всего, информационные и прежде всего, в медиасфере, не создают принципиально новых субъектов коммуникации, не работают «с чистого листа». Они применяются к имеющимся и наиболее удобным, т.е., к таким, между которыми уже есть валюативная антиномичность. Задача состоит лишь в том, чтобы их обнаружить и найти пружины для давления на одну из сторон для поднятия градуса враждебности к валюативному ан-

тону. Следовательно, государства, в которых такие валюативно антиномичные пары есть, заведомо уязвимы. Валюативная антиномичность общества способна поляризовать социум, и тогда социокультурные интерпретационные противоречия становятся основанием для военного конфликта, приводят к глубокому тотальному кризису в обществе, выплескиваются на мировую арену, сами становятся средством ведения гибридных войн. Это наблюдается сегодня на Украине, поменявшей героев и врагов, нормы и ценности, язык описания мира, идеологию и наполнившей свое духовное пространство художественными образцами, возвеличивающими прежних врагов и уничижающих прежних героев. При этом этот новый оценочный набор не был укоренен на всей Украине, исторически он был органичен преимущественно на западных территориях, затем частично утвердился в центральных, северных и северо-восточных регионах. Но юго-восток Украины преимущественно (достаточно для наличия критической массы), также исторически, тяготел к иным социокультурным образцам. Идеалы хронологически последнего Майдана там могли быть только насильственно навязаны. Средства насилия здесь варьируются от оскорбительной риторики до физического истребления. Но этот конфликт, взорвавший Украину, приобрел статус международного в силу непосредственного военного присутствия в нем России и противостоящего ей субъекта под названием «коллективный Запад». Публичная коллективно-западная риторика в адрес России плотно валюативна. Нормы эпохи постправды благоприятствуют ей: реальное положение дел не учитывается, презумпция невинности применяется только к Своим, что бы они ни совершали (факты не интересны, если он свидетельствуют против Своих), Врага можно обвинять во всем вопиюще преступном еще до расследования.

Итак, антиномичный мир Своих и Врагов заведомо обречен. Сегодня человечество оказалось в тупике валюативной антиномии, в которой ни одна из сторон не докажет Чужому свою правоту и неправоту этого Чужого, т.к. каждая из сторон такой коммуникации для себя всегда права, а Чужой всегда и во всем неправ. Враг всегда антагонист Своему, и репрезентируется антагонизм этих субъектов сознания валюативно. Но и моновалюативный мир с валюативом субъекта интерпретации, который оказался сильнее всех своих Врагов, как показывает история, – утопичен или, по крайней мере, недолговечен; кроме того, в действительности он всегда не настолько тотален, как хотелось бы победителю. Обобщенно говоря, практика конструирования образа Чужого-как-Врага реализуется в мировом масштабе, когда крупномасштабный игрок на мировой шахматной доске выбирает для себя стратегию на единоличное мировое лидерство, обосновывая ее показательно валюативно (например, демократическими ценностями) с перечислением врагов как акторов, препятствующих всемирному распространению такого валюатива. Сегодня остро актуализируется потребность в зоне интерпретационного согласия, лежащей вне валюативов участников коммуникации Свой – Чужой-как-Враг и содержащей средства конструирования реальности, которые могли бы создать реальность, проинтерпретированную как бытие-вместе. Тогда оценка валюативно мотивированного поведения противоборствующих субъектов, каждый из которых другому – Враг, станет оценкой их близости, например, к базовым правам человека или этическим иде-

алам, которые выработало человечество, – к тому, иными словами, что позволило бы сохранить культурно-историческую самобытность, культурные образцы и иные формы социальной реальности, в том числе и валюативно выражаемые, но без абсолютируемого противопоставления Другому, который в результате такого противопоставления неминуемо станет Врагом. Плодотворной с этой точки зрения является идея всечеловеческого, восходящая к трудам отечественных мыслителей – В.Ф. Одоевского, Н. Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского и развитая А.В. Смирновым в [7] как альтернатива идее общечеловеческого, навязывающей в качестве всеобщей какую-то одну логику смыслополагания как логику культуры.

Таким образом, неоднородность Чужого как социального Другого выявляется по шкале: Незнакомец, которого Я непреднамеренно не знаю в силу моего невежества или его длительной отдаленности от меня – Незнакомец, которого я не хочу знать, потому что я хочу жить в только мной сконструированной смысловой реальности – Чужой, который хочет быть для меня Своим, но никогда им не станет, т.к. у нас с ним нет общей истории – Враг, социальная реальность которого в каждом ее фрагменте антиномична Моей и которую при этом он Мне ее навязывает как, по его убеждению, лучшую и в целом, единственную, а Моей социальной реальности не должно быть. Конструирование образа Чужого в социальном знании восходит к гуссерлианскому концепту Другого как Другому сознанию, феноменолого-социологическим теориям Г. Зиммеля (Чужой как близкий в общих качествах и как дальний в специфических качествах, общих членам некоторой группы), А. Шютца (Чужой как Чужой жизненный мир, Чужие культурные образцы), П. Бергера и Т. Лукмана (Чужой как «автор» социальной реальности, отличной от сконструированной Мной), Б. Вальденфельса (Чужой как такая альтернатива Своего, в которой этот Свой обнаруживает для источник обновления). Модус Чужого-как-Врага выявляется методом валюативного анализа как модель оценочной интерпретации социального мира, антиномичная некоторому Мне. Во всех случаях Свои и Чужие – образы субъектов сознания, продукты деятельности сознания (осмысления, интерпретации, чувствования, переживания, верования, убежденности), что позволяет говорить о социальной проблематике в философии сознания.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Картезианские медитации // Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С. 377 – 442.
2. Шютц А. Чужой. Очерк социальной психологии // Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Науч. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С 191 – 206.
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Режим досту-

па: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1>

4. Вальденфельс Б. Ответ Чужому: основные черты респонзивной феноменологии // Мотив чужого: Сб. пер. с нем. / Научный ред. А. А. Михайлов; отв. ред. Т. В. Щитцова. Мн.: ПроPILEI, 1999. С. 123 – 140.
5. Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство – СПб», 2000. С. 12 – 148.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр, Медиум, 1995.
7. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs Общечеловеческое. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Сведения об авторе

Коротченко Юлия Михайловна – д-р филос. наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии
E-mail: yuliyakor03@gmail.com

Y. M. Korotchenko

REFLEXIVE GROUNDS FOR CONSTRUCTING AN IMAGE OF THE ALIEN

***Abstract:** The reflexive grounds for constructing the image of Alien in social knowledge are revealed. The Alien is interpreted as a social Other, going back to the concept of the Other as a subject of consciousness in Husserl's phenomenology, perceived by phenomenological sociology in the G. Simmel, A. Schutz, P. Berger, T. Luckman, and the phenomenology of the Alien by B. Waldenfels. The heterogeneity of the Alien is distributed on a scale: A stranger whom I do not want to know, because I want to live in a semantic reality constructed by Me only - an Alien who wants to be My own for Me, but will never become one, because we do not have a common history with him - the Enemy, whose social reality in each of its fragments is antinomic to Mine, and which, at the same time, he imposes on Me as, in his opinion, the best and, in general, the only one, and My social reality should not exist. Interpretation of «Friends» and «Others» as subjects of interpretation, and therefore - consciousness, allows us to talk about social issues in the philosophy of consciousness. The antinomy of communication with the scheme of One's own - Alien-as-Enemy is explicated by the method of valuation analysis. It is noted that such a communicative scheme is crisis-prone, its destructiveness for individual societies, states, humanity. As an idea that allows you to preserve the originality of the subjects of social and cultural self-consciousness, the idea of the universal, rooted in the history of domestic social, cultural and philosophical thought, developed by A.V. Smirnov.*

Keywords: Own, Alien, Alien-as-Enemy, value antinomy, pan-human

References

1. Gusserl' È. Kartezianskie meditatsii // Gusserl' È. Izbrannye raboty / Sost. V. A. Kurennoi. [Cartesian Meditations // Husserl E. Selected Papers / Comp. by V.A. Kurennoi] Moscow: Izdatel'skiĭ dom «Territoria budushchego», 2005. («Universitetskaia biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo»). S. 377 – 442.
2. Shiutts A. Chuzhoĭ. Ocherk sotsial'noi psikhologii // Smyslovaia struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii / Sost. A.Ia. Alkhasov; Per. s angl. A.Ia. Alkhasova, N.Ia. Mazlumianovoĭ; Nauch, red. perevoda G.S. Batygin. [The Strager. An Essay for social Psychology // Shutts A. Semantic Structure of Everyday World] M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2003. S. 191 – 206.
3. Strategiia national'noi bezopasnosti Rossiĭskoi Federatsii [Russian Federation Security Strategy]. Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1>
4. Val'denfel's B. Otvet Chuzhomu: osnovnye cherty responzivnoi fenomenologii // Motiv chuzhogo: Sb. per. s nem. [Response to the Stranger: RESPONSITIVE PHENOMENOLOGY MAIN FEATURESthe main features] / Nauchnyi red. A. A. Mikhaĭlov; otv. red. T. V. Shchittsova. Mn.: Propilei, 1999. S. 123 – 140.
5. Lotman Iu.M. Kul'tura i vzryv // Lotman Iu.M. Semiosfera. – SPb.: «Iskusstvo – SPB», 2000. S. 12 – 148.
6. Berger P., Lukman T. Sotsiial'noe konstruirovaniie real'nosti [The Social Construction of Reality]. M.: Academia -Tsentr, Medium, 1995.
7. Smirnov A.V. Vsechelovecheskoe vs Obshchechelovecheskoe. M.: OOO «Sadra»: Izdatel'skiĭ Dom IaSK, 2019.

Korotchenko Yuliya Mikhaylovna – Doctor of Philosophical Sciences, Docent, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Full Professor of the Department of Philosophy
E-mail: yuliyakor03@gmail.com